

выкарыстоуваць розум чалавека для сваіх нячыстых спраў, але розум Гюгона здолеў пераадолець злога карузніка. Гісторыя Гюгона у апавесці акцэнтуюць значную ролю розуму ў аднаўленні справядлівасці. У творы Баршчэускага гісторыю пра Гюгона расказвае сын Завальні шкаляр Стась, і яе сэнсавая роля крыху ішая: праз гісторыю Гюгона сцвярджаецца, што празмерная цікаўнасць нярэдка мае трагічны для асобы фінал.

Рэмінісцэнцыі з кнігі Баршчэускага у апавесці Ф. Конева актуалізуюць пласты маральна-этычнай праблематыкі ў “Шляхціцы Завальні”, таксама як і садзейнічаюць рэпрэзентацыі стылёвых асаблівасцей творчасці канкрэтных аўтараў сучаснай літаратуры, паглыбленаму увасабленню пісьменнікамі культурна-мастацкай праблематыкі. Беларускія мастакі слова часцей за ўсё выкарыстоўваюць цытаты з твораў, тэмы, матывы, адвольны пераказ сюжэтаў. Выбар віду рэмінісцэнцый пэўным чынам залежыць ад родава-жанравай прыналежнасці твора: аўтары вершаў часта звяртаюцца да “чужых” персанажаў, паўтараюць характарыстыкі, дадзеныя гэтым персанажам Баршчэускім: аўтары эпічных і драматычных твораў звычайна звяртаюцца да тэм, матываў, адвольнага ці рэпрадуктыўнага ўзнаўлення сюжэтаў. Выкарыстанне сучаснымі пісьменнікамі рэмінісцэнцый са “Шляхціца Завальні” указвае на тое, што нацыянальная класіка не губляе сваёй эстэтычнай і этычнай актуальнасці.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Збор твораў : у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск : Маст. літ., 1987–1991. – Т. 5. – 1989. – 527 с.
2. Рублеуская, Л. Замак месячнага сямства : вершы / Л. Рублеуская. – Мінск : Маст. літ., 1992. – 126 с.
3. Арлоў, У. Фауна сну : вершы / У. Арлоў. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 95 с.

Т. Камароўская (Мінск)

Сходство жанровых форм американского и белорусского исторического романа о событиях XIX века

Натаниэль Готорн, великий американский писатель, создал в американской литературе новую жанровую форму – готансе, романтический роман, и описал ее в предисловии к роману «Дом с семью фронтонами» (1831). Готорн, эта пуританская совесть Америки, подчеркивал в предисловии важность нравственной, моральной составляющей этого вида романа, и в то же время значение для него художественной формы [1]. Romance, романтический роман

Н. Готорна – это определение не творческого метода, но жанровой формы подобного романа, который, в отличие от novel, романа вообще, характеризуется камерностью, сосредоточенностью на психологической жизни героев, глубокой проработкой их внутреннего мира, отражающего мир социальный: вниманием к художественной форме произведения.

Существуя рядом с традиционным романом, romanse получил большое развитие в литературе США и, в частности, в историческом романе Америки. Интересно отметить, что мы находим эту жанровую форму и в белорусском историческом романе. Роман В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» - не что иное, как romanse. Рассмотрим для доказательства этого тезиса два исторических романа, американский и белорусский, посвященные приблизительно одному периоду мировой истории.

Даниэль Аарон, ученый и критик, исследуя освоение темы Гражданской войны американскими писателями, отмечает, что она породила больше исторических исследований, биографий, мемуаров, исторической беллетристики и поэзии, чем все остальные американские войны, вместе взятые, ссылаясь, вместо объяснения причин подобного интереса, на слова Томаса Биара: «война в физическом смысле окончилась в 1865 году, но ее политические последствия могут проявиться и около 3000 года». [2, р. XIII].

Вместе с тем до 20-х годов следующего столетия Гражданская война не вдохновила ни одного шедевра, за исключением "Алого знака доблести" С. Крейна. Шервуд Андерсон имел все основания заключить в 1916 году, что «ее подлинный дух еще не проник на страницы печатной книги» [2, р. 340]. Этому способствовали две основные причины. Первая – отсутствие необходимой исторической перспективы, с высоты которой можно было бы объективно оценить исторический опыт войны между Севером и Югом; как выразил ее литературный критик Скрибнез Мэгэзин, «писатель средних лет в 1900-е годы слишком молод, чтобы самому быть участником войны, но слишком близок к ней, чтобы воспринимать ее как эпос» [3, р. 764]. Вторая причина заключалась в засилии литературной традиции "нежного реализма", исключавшей, по словам Аарона, «некоторого рода опыт, и не удивительно, что территория простого солдата была выведена за пределы литературы американскими цензорами от культуры» [2, р. XVII]. Блестящие победы реализма в американской литературе в 20-е годы сделали эту территорию наконец-то доступной для эстетического освоения историческими романистами и появления нового типа исторического романа о Гражданской войне, о котором Фред В. Миллет писал, что «реализм и импрессионизм неисторического современного романа в конце концов породили тип романа,

романтического по тону, но традиционного (то есть реалистического – Т.К.) по технике письма» [4. р. 60].

Американской истории присущ консенсус, и американский исторический роман 20 века о Гражданской войне является иллюстрацией этой тезы, хотя он и посвящен антигонистическому конфликту в жизни страны, каким была Гражданская война. Американский исторический роман 20-30-х годов подчеркнута пацифичен. Авторы исторических романов о Гражданской войне (М. Кэнтон, Х. Аллен) отказываются от глубокого социального анализа ее причин и характера, и трактуют ее как трагедию, равную для обеих сторон, что вызывает переосмысление концепта «другой», свойственного произведению о войне.

Философия истории Аллена Херви, политическая идея и идеал которого – мир, средство их достижения – любовь, а война – любая, в том числе и Гражданская, – преступление против личности, результат интриг политиков, их неумения решить противоречия мирным путем, обусловили тему его романа, вынесенную в его заглавие, – "Битва при Аквиле" (1937). Битва при Аквиле была одним из самых незначительных событий Гражданской войны – отвлекающий маневр со стороны Конфедератов, призванный обмануть противника, чтобы суметь беспрепятственно отвести остаток войск к Ричмонду. Историки почти проигнорировали ее. «О ней едва ли знали достаточно хорошо, чтобы забыть, на нее просто сразу не обратили внимания», – с горечью подводит итог автор. Но сотни людей были убиты и искромсаны там, и потому для автора она не менее интересна, чем крупные сражения, решившие исход войны. Ненужное геройство и неоправданные жертвы – вот что такое, по мнению Аллена, эта битва, фрагмент маневра конницы в тот ноябрьский день, да и вся Гражданская война в целом, что он и подчеркивает всем ходом своего повествования, построением сюжета, расстановкой главных действующих лиц, выбором героев и своеобразием типизации, лежащей в основе создания их образов. По одну сторону – политические силы и соображения, по другую – доброта, мужество людей, их любовь. Для выражения своей глубоко гуманной идеи о Войне и Мире автор создает характеры, отличающиеся приматом общечеловеческого, образы Мужчины и Женщины, которые в условиях беспредела войны ищут и находят пути к человечности, к торжеству, хотя бы в их жизнях, вечных ценностей. Спасение, по мысли автора, лежит вне политики, в сфере человеческих взаимоотношений. Предпоследняя глава романа называется "Нерушимый Союз" – идеологическое клише, бывшее в большом ходу на Севере до и во время Гражданской войны. Но речь в ней идет не о союзе штатов, во имя сохранения которого война и велась, а о союзе действительно нерушимом, союзе между северянином и южанкой,

полюбившими друг друга и вместе сумевшими преодолеть смерть зимой в занесенном снегом домике в горах. Доброта, любовь, сочувствие, взаимопонимание сохраняют, по мысли автора, мир и жизнь, но не политика и война.

Философия истории автора определяет и конфликт в его романе. В "Битве при Аквиле" конфликт двойной. Менее значительный – внешний, проявляющийся в столкновении при Аквиле войск южан и северян, конфликт политический, военный. Но для выражения авторской идеи гораздо важнее конфликт внутренний, психологический – конфликт человека с войной и нетерпимостью, порожденной ею, выражающийся в неприятии героями жестокости войны и человеконенавистнической идеологии, являющейся ее следствием. По сути дела, «другого» нет в этом романе о Гражданской войне.

Как ни парадоксально, в сцене битвы при Аквиле нет военных героев. Во время жестокой бойни подлинными героями, по мысли автора, являются не те, кто уничтожает друг друга, хотя и во имя высокой цели, а те, кто пытается спасти людей, кем движут доброта и любовь: доктора Хольцмайер и Уилеон, хотя и принадлежащие к противоборствующим сторонам, но оперирующие на рядом поставленных столах как своих, так и чужих; поспешившая к ним на помощь миссис Криттенден; Маргарет Криттенден и Флосси, пустившиеся снежной ночью разыскивать на поле брани своих любимых.

Автор романа безоговорочно за союз штатов, но обеспечить существование союза следовало иным, не военным, путем. По-своему откликаясь на идею мессианской роли США, присущую официозной идеологии и массовому сознанию, ставшую одним из краеугольных камней национальной мифологии, Аллен видит ее в том, что его стране следует стать оплотом мира во всем мире: «Эти благословенные вздымающиеся одна за другой горы качали колыбель новой, наверное, лучшей расы – североамериканцев. А надеждой этой расы был мир. Потому что, если что-то и было в Америке "нового и лучшего", так это надежда на мир – мир на более надежном, широком, континентальном уровне, которого когда-либо удавалось достичь»[5, р. 72-73].

Аллен не признает исторически прогрессивное значение Гражданской войны и победы Севера, что особенно ярко демонстрирует эпилог романа. В нем почти 80-летний герой приезжает в Филадельфию и присутствует на проводах добровольцев на Испанскую войну. Воинственный патриотизм и напыщенные речи напоминают ему аналогичные мероприятия в дни его зрелости (Гражданская война) и юности (Мексиканская война). С едким сарказмом высмеивает он политиканов, замыкающих торжественную процессию, сравнивая их с проституткой времен Гражданской войны, которая со своим борделем стремилась не отстать от маневрировавших частей.

объясняя свою расторопность патриотическими мотивами – тем, что она "следует за флагом". Они тоже "следуют за флагом", составляя, по горькому замечанию автора, "похоронную процессию республики". Аллен считает, что вопрос о рабстве был второстепенным вопросом Гражданской войны, основное же ее содержание составляла борьба за власть (поэтому никогда не поднимает эту тему в романе). Гражданская война, по его мнению, развязала руки федеральному правительству, многократно усилив его, и таким образом положила начало эпохе агрессивного внешнеполитического курса, направленного на захват все новых и новых территорий, эпохе нескончаемых колониальных войн. Поэтому он ставит Гражданскую войну в один ряд с другими захватническими войнами.

Американскому историческому роману о Гражданской войне присуща общечеловеческая нравственная направленность, когда вопрос исторической правоты той или иной стороны отступает на второй план перед выявлением чудовищной сути войны, любой войны, перед развенчанием ее как средства решения политических конфликтов, что обеспечивает высокий нравственный потенциал американского исторического романа XX века. В изображении войны создатели американского исторического романа продолжают традиции Стивена Крейна, показавшего в "Алом знаке доблести" ее жестокость и бессмысленность, но также отвлекавшегося от ее высокого исторического предназначения. Исторический роман 30-х годов подчеркнуто пацифичен. В американском историческом романе 20-30-х годов теряется прогрессивная историческая роль Гражданской войны в жизни страны; война осуждается как способ решения политических проблем.

Роман Аллена прослеживает трансформацию одной из основных идей национальной мифологии – идеи мессианской роли США, в укоренение которой в массовое сознание внесли свой вклад историки Бэнкрофт, Фук, Махан. Аллен переосмысливает идею национальной исключительности. Он видит ее в том, что США предназначено стать оплотом мира во всем мире.

«Битва при Аквилле» – типичный *romance*, характеризующийся камерностью в показе исторического события (Гражданская война в нем оказывается как бы за кадром), акцентом на чувствах и переживаниях героев, как главных, так и второстепенных, анализом их внутреннего мира: заостренностью на нравственных проблемах, поставленных в романе, тщательной проработкой художественной формы произведения.

Исторический роман В. Короткевича «Колосья под серпом твоим» посвящен подготовке белорусско-польского дворянства к восстанию 1863 года. Но широкой панорамы описываемых событий, жизни Северо-Западного края в романе нет. Это типичный роман воспитания, и историческая реальность

воссоздается в романе через восприятие ее взрослеющим Алесем Загорским, одним из будущих участников и руководителей восстания, другом Кастуся Калиновского. Зреющее недовольство белорусского и польского дворянства, вызревание идеологии восстания показаны в романе посредством реконструкции и тонкого психологического анализа сознания героя, формирующейся личности будущего князя Загорского, системы его взглядов. Роман интровертен, романтичен по духу повествования. Автор и обрывает его в тот момент, когда следовало бы перейти к непосредственному описанию исторических событий 1863 года.

Следует отметить, что принцип отображения истории в «Колосьях...» полностью соответствует принципам изображения исторических событий в американском историческом романе вообще, где исторические события, которым посвящен роман, всегда находятся за кадром и показаны только через влияние их на судьбы людей, населяющих романное пространство, что и было очевидно на примере анализа романа «Битва при Аквиле».

Итак, «Колосья под серпом твоим» – типичный *romance*, в той же степени, что и исторический роман Х. Аллена.

Литература

1. Reader's Encyclopedia of American Literature / Ed. by George Perkins & others. – N.Y. : HarperCollins Publishers. 2002.
2. Aaron, D. An Unwritten War. American Writers and the Civil War / D. Aaron. – N.Y., 1973. – P. XIII-XVII.
3. Scribner's Magazine. – 1904. – XXXV – Jan.-June. – P. 764.
4. Millett, F.B. Contemporary American Authors / F.B. Millett. – N.Y., 1944. – P. 60.
5. Allen, H. Action at Aquile / H. Allen. – N.Y., 1938. – P. 72-73.

С. Сычова (Минск)

Вобраз-канцэпт вёскі ў творчасці Элзы Ажэшкі і Алеся Жука

Беларусь асацыюецца ў нашай свядомасці перш за усё з вёскай, таму што працэс урбанізацыі краіны актыўна пачаўся толькі ў другой палаве ХХ ст. Безумоўна, ХІХ ст. з яго цікавасцю да народнага жыцця, абумоўленай спачатку ідэямі рамантызму, затым шырокім развіццём рэалізму ў літаратуры, стала штуршком для стварэння рознабаковага вобраза-канцэпта вёскі ў творчасці пісьменнікаў. У мастацкіх творах вобраз вёскі – адзін з асноўных у ХІХ ст., калі дэмакратызм творчасці пісьменнікаў выяўляўся ў цікавасці да жыцця простых людзей, а цэнтральным вобразам стаў селянін. Вобраз-канцэпт вёскі выразна